

А

Наталья Ключарева
РОССИЯ: ОБЩИЙ ВАГОН

А

Наталья Ключарева

РОССИЯ: ОБЩИЙ ВАГОН

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург
Москва

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)
К 52

Ключарева Н.
К 52 Россия: общий вагон. – СПб.: Лимбус Пресс,
ООО «Издательство К. Тублина», 2007. – 200 с.

Молодому писателю Наталье Ключаревой удалось в первом же романе самое сложное: не просто сочинить великолепную литературу, но стать голосом целой страны – со всей ее болью, слезами – растерзанной, пьяной, но и прекрасной, и сильной. Для двухсот страниц здесь немыслимое число героев; каждый из них несет свою удивительную историю, и этот калейдоскоп сливается в единую картину – до того убедительную, что волосы встают на голове.

Роман еще до выхода книги вызвал бурю эмоций у литературной общественности и в интернете. О нем одобрительно отзывались такие разные люди, как Мария Арбатова, Эдуард Лимонов и Виктор Топоров. Его вяло поругивают любители изящно-сопливой словесности. Есть, однако, мнение, что «Россия: общий вагон», как и «Санька» Захара Прилепина, – предтеча будущей русской литературы – гордой, злой и прекрасной.

www.limbus-press.ru

ISBN 978-5-8370-0507-7

© ООО «Издательство К. Тублина», 2007
© А. Весслов, оформление, 2007

1

У Никиты была одна физиологическая странность. Он часто падал в обморок. Конечно, не от вида крови или от нехорошего слова, как всякие там тургеневские барышни, а просто так.

Иногда прямо среди разговора, иногда от сильного весеннего ветра или от переходов метро, похожих на космические корабли. Так его восхищала жизнь. И так он переживал происходящее вокруг. Что иногда организм не справлялся с напряжением. И самовольно выключался. Только так можно было заставить Никиту сделать паузу и перевести дух, который всегда захватывало.

А еще у Никиты часто начинала болеть какая-нибудь несуразная часть тела. Ну, которая ни у кого не болит. Например пятка.

Или запястье. Или, вообще, указательный палец. Боль тоже вырывала из потока, но мягче, оставляя картинку за мутным стеклом. А внутри появлялась тишина, в которой тикали кузнечики и цикады говорили свое веское слово. Никита слушал цикад и смотрел, улыбаясь, на мир. Как бы издалека. Как бы из другой формы жизни. А поезд тихо шел на Тошиху...

Никита пришел в себя. Мутными глазами общего вагона на него смотрела страна. Затылок собирал вшей в чьем-то бушлате, ноги тянулись в узкий проход сквозь баулы, чемоданы и тележки.

Страна то и дело норовила облить Никиту кипятком, кренясь и хватаясь за поручни, накормить воблой и домашними пирожками, измазать растаявшей конфетой, напоить водкой, оставить в дураках на засаленных картах, где вместо дам – голые девки.

Страна старалась войти с Никитой в контакт. Вступить в отношения. Страна не давала спать, не давала думать, не давала покоя.

Страна зевала, храпела, воняла, закусывала, выпивала, лезла на верхнюю полку, наступая на чью-то руку, грызла семечки, разгадывала кроссворд, почесывала яйца, ругалась с проводником, посадившим у самого туалета, болталась в грохочущем тамбуре, говорила:

«Какая это остановка?» – «Смотрите, пацан опять в отключке». – «И не пил вроде». – «Наркоман небось». – «Да щас они все, кто колет, кто нюхает!» – «Ты бы, мать, промолчала про что не знаешь, человеку плохо ...» – «Может, врача?» – «Это почему же мне молчать?! Я всю жизнь у станка простояла! Ты мне рот не затыкай – я инвалид!» – «Уймись, женщина, дети спят!» – «Дети! Вырастут – тоже будут клей нюхать и рот затыкать старикам!» – «Бабка, не гунди! Давай, лучше песню споем: НА ПОЛЕ ТАНКИ ГРА-ХА-ТА-А-АЛИ! САЛДАТЫ ШЛИ В ПАСЛЕДНИЙ БОЙ!..»

Никита опять вернулся в себя и вышел покурить. Страна подъезжала к станции Дно, качаясь на рессорах и томительно вытягиваясь вдоль изгибающихся путей. Потом резко затормозила и встала у фонаря.

– Эй, братан, это мы где?

– На дне! – весело крикнул Никита и стал пробираться к выходу.

На станции Дно было безлюдно и сыро. Только диспетчеры переговаривались на своем инопланетном наречии, и невидимые обходчики стучали в железные суставы поездов.

– Ты куда вылез-то, доходяга? – нежно пробасила толстая проводница, похожая на оракула. – Чего доброго, опять хлопнешься. Мне, что ли, тебя с путей счищать?

Никита улыбнулся оракулу и пожал плечами. Пахло углем, гнилым деревом и дорогой. Лицо щекотал мелкий дождь. И все как будто знало тайну. Которую невозможно разболтать. Потому что незачем.

2

В вагоне к Никите подошел маленький мальчик. Взял за коленку и серьезно спросил:

– У тебя есть мечта? – И не дожидаясь ответа: – А у меня есть: я хочу упасть в кусты и там жить!

– И все? – спросил Никита. – Больше тебе для счастья ничего не нужно?

Мальчик задумался, засунув в рот кулак.

– Ну, еще я хочу поезд. Я бы на нем ехал-ехал. А потом... упал бы в кусты! И там жил!

– Что же тебе мешает? – Никита нагнулся, пытаясь поймать ускользающее внимание ребенка.

– Носки! – буркнул мальчик и, заскучав, побежал дальше.

– Носочки теплые, овечьей шерсти, за пятьдесят рублей отдаю, на рынке в два раза дороже! – заголосила, протискиваясь сквозь вагонное ущелье, женщина с большой клетчатой сумкой. – Настоящие шерстяные, берите, девочки, не пожалеете!

В конце вагона голосистая продавщица носков вступила в неравный бой с проводницей, чей густой бас перекрывал все ответные реплики.

– Сколько раз говорить! Тут не Красный Крест! Хочешь ехать – плати! Мы не бога-